

*Активный член Тобольского губернского музея
Общество взаимопомощи бедным студентам
Санкт-Петербургский Шахматный клуб.
Историческое общество при университете Санкт-Петербурга (1890)
Нежинское историко-филологическое общество (1895)
Императорское археологическое общество (1888)
Русское географическое общество (1907)
Московское Археологическое сообщество (1900)
Археологическая комиссия (1907)*

Отдельной стороной в научной работе Х.М. Лопарева является краеведение и изучение Сибири. Для ученого очень важной была связь с родиной, со своими земляками. Он собирал и публиковал обширные краеведческие материалы о родном селе Самарово. Более десяти лет Х.М. Лопарев был активным членом Тобольского губернского музея (печатался на страницах его ежегодного издания и постоянно жертвовал книги) [5, с. 282], являлся членом Общества изучения Сибири и ее быта (при Музее Этнографии и Антропологии Академии Наук в Санкт-Петербурге) [1, с. 180]. По этой же причине он принимал участие в деятельности Императорского Русского географического общества, одного из старейших географических обществ мира.

Все общества, комиссии и ведомства, где работал Х.М. Лопарев, вели между собой переписку, касающуюся научной работы, прошений о поездках, повышений по службе, награждений. Из личного дела ученого, находящегося в Отделе архивных документов Российской национальной библиотеки, видно, что даже находясь на государственной службе, он продолжал тесное сотрудничество с различными обществами и комиссиями и выезжал в командировки с научными целями по их ходатайствам. За усердную и плодотворную службу по настоянию ОЛДП был награжден орденом Святой Анны 3 степени. В 1907 г. Императорская археографическая комиссия и Императорская библиотека предложили представить Х.М. Лопарева к награждению орденом Святой Анны 2 степени, в 1910 г. за особые труды он был представлен к награждению орденом Святого Владимира 4 степени.

Деятельность научных обществ осуществлялась на средства, складывающихся из членских взносов и пожертвований. В личных документах ученого есть письменные подтверждения об освобождении его от такого денежного вклада за научные заслуги. Например, в сообщении от Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III говорится о том, что организация признательна Х.М. Лопареву за полезную деятельность и освобождает его от членского взноса [6, л. 14].

Научные общества России XIX века внесли серьезный вклад в развитие отечественной науки. Вторая половина XIX – нач. XX вв. – период стремительного развития всех отраслей наук в стране, и научные общества играли в этом большую роль. На примере деятельности Х.М. Лопарева видно, что объединенные общими научными интересами молодые исследователи не были заключены в сословные или имущественные рамки, поэтому такого рода организации сыграли большую роль не только в научном и культурном развитии, но и в социальном.

1. Азадовская Л.В. «Крестьянин села Самарова» // Сибирские огни. 1960. № 8. С. 178–181.
2. «Искренне дельюсь с Вами как с другом...»: из переписки Х.М. Лопарева и Ю.М. Поповой. Тюмень, 2011. 232 с.
3. Лопарев Х.М. Мои первые шаги в Обществе // Подорожник: краеведческий альманах. Ханты-Мансийск. 2014. Вып. 14. С. 6–12.
4. Михеева Г.В. Лопарев Хрисанф Мефодьевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. СПб. 1995. С. 331
5. Прибыльский Ю.П. Лопарев Хрисанф Мефодьевич // Тобольский биографический словарь. Екатеринбург: «Уральский рабочий». 2004. С. 282–283.
6. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее ПФА РАН). Ф. 107. Оп. 1. Д. 88.
7. ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 99.
8. Сперанский М. Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862–1918) // Научные известия. Сб. 2: Философия, литература, искусство. М., 1922. С. 327–342.
9. Танкова Е.В. Письма Х.М. Лопарева к членам Общества любителей древней письменности (по материалам отдела рукописей Российской национальной библиотеки) // Материалы III окружных Лопаревских чтений. СПб., 2011. С. 6–8.
10. Фетисова Г.Я. Хрисанф Лопарев – библиотекарь // Материалы I окружных Лопаревских чтений. Екатеринбург, 2008. С. 11–14.
11. Цысь В.В., Цысь О.П. Сотрудничество Х.М. Лопарева с Императорским Православным Палестинским Обществом // Материалы IV окружных Лопаревских чтений. Ханты-Мансийск, 2013. С. 16–29.

УДК: 94(47).046

А.О. Кисленко
Нижневартовский государственный университет,
студент

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1618–1632 ГГ. В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье представлен историографический обзор работ советских и современных историков, – работ, в которых нашло отражение развитие дипломатических отношений Московского государства с Крымским ханством в 1618 – 1632 гг.

Ключевые слова: А.А. Новосельский, В.П. Загоровский, В. Н. Глазьев, О.В. Скobelkin, А. И. Папков, Крымское ханство, Османская империя, Речь Посполитая, Белгородская черта, колонизация Поля.

A REFLECTION OF THE HISTORY OF RUSSIAN-CRIMEAN RELATIONS 1618–1632 GG. IN THE SOVIET AND MODERN HISTORIOGRAPHY

The article presents a historiographical review of the works of Soviet and modern historians, the works in which reflected the development of diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean khanate in 1618–1632.

Key words: A. A. Novosel'skii, V. P. Zagorovsky, V. N. Glazev, Oleg V. Skobelkin, A. I. Papkov, Crimean khanate, Ottoman Empire, Polish-Lithuanian Commonwealth, Belgorod hell, the colonization of the Field.

Дипломатические отношения с Крымским ханством являлись одним из главных направлений внешней политики России в XVII в., особенно после Смутного времени. Сил для военного противостояния одновременно и с Крымом, и с Речью Посполитой у московского правительства не было, потому оно прилагало большие усилия для предотвращения крымских набегов. Развитие дипломатических связей России и Крыма в период 1618–1632 гг., т.е. в период от заключения Деулинского перемирия до начала Смоленской войны, нашло многообразное отражение как в советской, так и в современной историографии.

В считающейся классической монографии А.А. Новосельского подробно рассмотрены дипломатические отношения Московского государства с Крымским ханством, внутренняя и внешняя политика Крыма, состояние южнорусских оборонительных рубежей, а также процесс колонизации Поля русскими населением в конце XVI – первой половине XVII вв. Ученый широко обращался к различным историческим источникам, среди которых дела Крымские, Турацкие, Ногайские, Кабардинские Посольского приказа. В качестве наиболее ценных дипломатических источников Алексей Андреевич выделил статейные списки и дополнения к ним – показания гонцов, толмачей, переводчиков, приезжавших из Крыма и Порты [3, с. 7].

Развитию двусторонних отношений в 1618–1630 гг. в работе А. А. Новосельского посвящена третья глава. Этот период ученый характеризует как «затишье» на южных рубежах Московского государства: масштабных набегов крымцев, обычных в Смутное время, не наблюдается [3, с. 150]. Автор выделял несколько факторов, обуславливающих «затишье» в конце 1610-х – начале 1630-х гг.

В качестве центрального из этих факторов указывались нацеленность внешнеполитического курса Османской империи на войну с Речью Посполитой за влияние в дунайских княжествах [3, с. 99], почему вассалу Порты – Крымскому ханству – теперь предписывалось совершать набеги на порубежье Польши, прекратив нападения на «польские» уезды Московского государства. Еще одним фактором развития русско-крымских отношений, по мнению ученого, являлись успехи дипломатии Москвы. Османская империя стремилась вовлечь Россию в войну с Речью Посполитой на своей стороне, однако, как заметил А.А. Новосельский, русские послы старались сохранять сложившуюся внешнеполитическую ситуацию, избегая участия России в данном конфликте. Ученый констатировал, что московские послы внимательно следили за внутриполитической обстановкой в Крымском ханстве [3, с. 99, 106-107].

Его внутренняя политика и социально-экономическое развитие – один из принципиально важных факторов, влиявших на отношения между Россией и Крымом. В оценке Алексея Андреевича, особенности социально-экономического развития вынуждали крымцев вести по отношению к соседям агрессивную внешнюю политику. Эти особенности накладывали отпечаток и на внутриполитическую обстановку в Крымском ханстве. Несмотря на то, что хан Магмет-Гирей пытался выполнять указания султана о предотвращении набегов на южные уезды России, некоторые мурзы могли не подчиняться решениям хана, например, в ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. Именно поэтому, как отмечал ученый, несмотря на «затишье», совершались отдельные набеги крымских отрядов (в 1622, 1623, 1625, 1627 гг.), во главе которых стояли предводители, не повиновавшиеся даже собственным мурзам [3, с. 158].

Рассматривая эти крымские набеги, историк обратился и к рассмотрению состояния оборонительных сооружений на юге Московского государства. Он заметил, что ввиду сосредоточения всех усилий на западных границах ради борьбы с Речью Посполитой за Смоленск, это состояние было плачевным [3, с. 159], почему даже незначительные татарские набеги служилые люди сдерживали порой с большими усилиями.

Одним из ключевых факторов, влиявших на развитие двусторонних отношений, по заключению А.А. Новосельского, являлась колонизация Поля русским населением. Рассмотрев причины побегов крестьянских семей, а также отметив районы, куда устремлялись крестьяне, Алексей Андреевич пришел к выводу, что население двигалось из уездов, расположенных к западу от верхнего течения Оки и в гораздо меньшей степени из уездов, находившихся между Окой и Доном. Ученый также заметил, что население оседало по преимуществу в Курском, Елецком и Ливенском уездах и не переходило течения Сейма и Быстрой Сосны, т.к. уезды за этими реками не привлекали крестьян. По данным исследователя, в процессе колонизации принимали участие и крупные землевладельцы [3, с. 165–166].

Работе А.А. Новосельского принадлежит основополагающее место в ходе изучения русско-крымских отношений на протяжении 1618–1632 гг. Ученым были выявлены факторы, определившие благоприятное для Московского государства, т. е. мирное, развитие этих отношений, а также раскрыта специфика социально-экономического развития Крымского ханства, влиявшая на его дипломатические отношения с Россией.

Факторы развития этих отношений нашли отражение и в монографии виднейшего исследователя средневековой истории Центрального Черноземья В.П. Загоровского. Воронежский ученый рассмотрел условия

возникновения, этапы строительства, а также значение крупного оборонительного сооружения, сыгравшего весомую роль в сдерживании набегов крымцев, – Белгородской черты, возведение которой началось в 30-х гг. XVII в. В качестве основных источников автор использовал рукописные документы XVII в., хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА, ныне – РГАДА), прежде всего, документы Разрядного приказа: дела Белгородского, Приказного, Московского, Севского и др. столов Разряда. Владимир Павлович обращался к документам и других фондов этого архива – Поместного приказа, Донских дел, Турецких дел, Крымских дел, Приказных дел старых лет, Польских дел, Межевого архива. Одним из важных источников исследователь признавал т.н. «Белгородские годовые сметные книги», свидетельствующие о социальной структуре населения, его движении на южной окраине России после завершения строительства Белгородской черты, организации там военного дела. В.П. Загоровский обращался и к опубликованным источникам: это три тома «Актов Московского государства», некоторые тома «Актов исторических» и «Дополнений» к ним, «Материалы для истории колонизации и быта ...», «Новые документы о России конца XVI – начала XVII в.» [2, с. 13–16].

Первую главу монографии Владимир Павлович отвел характеристике южной окраины России накануне сооружения Белгородской черты. Ученый, рассматривая начало народной колонизации, в целом согласился с выводами А.А. Новосельского по поводу перемещения населения с запада на восток вследствие результатов Смуты. В.П. Загоровский подверг критике взгляд Д.И. Багалея о колонизации Поля по правительственный инициативе, приводя аргументы в пользу приоритета народной колонизации [2, с. 22].

Население полевых окраин России, по мнению известного историка, состояло как из крестьян, так и из служилых людей. Он привел весьма ценные сведения о численности отдельных категорий служилых людей в «польских» городах и уездах России [2, с. 24–32]. Ученый заметил, что многие земли Воронежского являлись «ухожьими» – землями, сдаваемыми в аренду на год или на несколько лет с целью рыбной ловли, добычи пушных зверей, сбора меда диких пчел. С точки зрения Владимира Павловича, такая откупная система, с одной стороны, способствовала освоению земель южнорусских уездов, но в то же время и затрудняла его, поскольку откупщики не устраивали постоянных поселений на территории «ухожьев» ввиду опасности татарских набегов.

В.П. Загоровский также подробно описал пути, по которым крымские татары совершали набеги, а также тактику их действий в русской «украйне». Ученый не поддержал А.А. Новосельского, который утверждал, что предпринимаемые правительством меры по обороне южных рубежей значительно ослабляли эффективность татарских набегов. Согласно выводу Владимира Павловича, до строительства Белгородской черты достоинства «московской оборонительной системы» были весьма сомнительны, а сторожевая служба оказалась малой частью того, что могло сделать государство для защиты населения «украйны», переложив, по мнению ученого, всю тяжесть борьбы с татарами на местных жителей [2, с. 54–55].

В.П. Загоровский, рассматривая состояние сторожевой и станичной службы, полагал, что в некоторые периоды, в том числе в начале 30-х годов XVII века, выявились ее принципиальные недостатки. Владимир Павлович находил, что разветвленная сеть сторож и станиц не предотвратила крупных татарских вторжений в Россию во время Смоленской войны, да и в 1643–1645 гг. Тем не менее, на взгляд ученого, сторожевая служба являлась важной стороной борьбы русского населения с крымскими и ногайскими татарами [2, с. 64].

Работа В.П. Загоровского приобрела важное место в историографии связей России и Крыма в первой половине XVII века, в частности, в истории изучения обороны южных рубежей Московского государства от набегов крымцев.

Целью любого татарского набега был захват полона – пленников, которые потом либо выкупались, либо продавались в рабство. Некоторым удавалось бежать из татарского плена на Родину. Выходцам из татарского плена в указанный период посвящена статья О.В. Скobelкина. Этот воронежский историк, привлекая сведения расспросных речей, – записей, которые составлялись в Разрядном приказе со слов пленных, – изучил судьбы 20 «полонянников» (различного социального статуса), совершивших побеги из татарского плена в 1628–1629 гг. Ученый определил место жительства и рождения беглецов до плена, примерное время, когда они были захвачены татарами в полон, а также срок их пленения. Олег Владимирович констатировал, что все беглецы какое-то время находились в донских казачьих городках и потом отправлялись в Воронеж, а следом в Москву «ко государю» [5, с. 100]. Ученый также рассмотрел порядок, в соответствии с которым бывшие невольники получали жалованье «за полонское многое терпенье и за выход». Решающую роль в определении размера жалованья, по мнению О. В. Скobelкина, играл «разряд» беглеца [5, с. 100 - 101]. Именно поэтому разрядные дьяки подробно расспрашивали о прошлом выходцев из плена и уже на основе этих сведений определяли возможные размеры «выходного жалованья». Историк выяснил, что эти размеры зависели, во-первых, от социального статуса, во-вторых, от количества лет, проведенных пленником в неволе. Так, например, наибольшее жалованье получали служилые люди. Детям боярским могли выдать жалованье в зависимости от срока пленения: от 5 р. и сукна до 2 р. и сукна, либо за сукно могла выдаться сумма, равная денежной части жалованья. Стрельцам и казакам могли выдавать также 2 р., либо 2 р. и сукно, либо 2 р. и деньги за сукно. Получив жалованье, бывшие «полонянники» покидали столицу и отправлялись в родные города и деревни. Заметим, что до О.В. Скobelкина никто не обращался к изучению судьбы беглецов, выходцев из Воронежа, из крымского плена в интересующее нас время.

Оборона и процесс колонизации русским населением «польских» уездов Московского государства – ключевые факторы, влиявшие как на динамику татарских набегов, так и на противостояние России и Крыма в целом. Подробную картину этого пограничного противостояния выразительно рисует В.Н. Глазьев в одной из

своих статей. В качестве основных источников воронежский исследователь использует документы фондов РГАДА, переписную книгу Воронежского уезда, «Акты Московского государства». Владимир Николаевич констатирует, что жители Воронежа, Ливен, Ельца, Курска и других городов-крепостей Поля должны были защищать себя сами [1, с. 6]. Именно поэтому, как пишет ученый, костяк обороны южнорусских уездов составляли служилые люди. Автор подробно рассмотрел тактику крымцев, а также привел данные о людских потерях в селах и деревнях Воронежского уезда, часто страдавших от татарских набегов. Ученый, как и О.В. Скobelkin, отметил тот факт, что большинство беглецов из плена проходило через земли донских казаков [1, с. 7]. Стоит отметить подробное описание Владимиром Николаевичем мер обороны, предпринимаемых воеводами городов-крепостей для предупреждения и отражения набегов крымцев.

Процесс колонизации Поля осуществлялся не только русским населением, но и украинским – подданными Речи Посполитой, что приводило порой и к военным столкновениям между ними. Отношения русских переселенцев и черкас, а также влияние этих отношений на русско-крымские контакты, весьма детально рассмотрены в монографии А.И. Папкова, источниковой базой которой послужили отчетные документы администрации «польских» городов, документальные материалы о военной службе на территории Поля, членитные население южной окраины России времени освоения Днепро-Донской лесостепи, следственные документы, связанные с разбором различных конфликтных случаев, дипломатическая переписка, состоящая из «листов», которыми обменивались воеводы русских пограничных крепостей и представители польской порубежной администрации, правительственные (приказные) документы, записки иностранцев [4, с. 51, 56–59]. По мнению белгородского историка, московское правительство было обеспокоено стихийной колонизацией «польских» уездов украинским населением, не приносившим присяги царю. Могла возникнуть ситуация территориального спора за эти земли с Речью Посполитой. Уже в 1620–1630-е гг. ввиду отсутствия четкой границы ту или иную местность Поля признавали своей как Речь Посполитая, так и Московское государство, что усугубляло и без того напряженные отношения между этими странами. Нередко происходили столкновения между служилыми людьми и черкасами, причем инициаторами нападений часто выступали обе стороны. Как отмечает Андрей Игоревич, отряды «воровских» черкас неоднократно нападали на сторожи и станицы, а более крупные отряды – на слободы, деревни и посольства [4, с. 139–140]. Особенно стоит отметить нападения на посольства в Крым, ибо «поминки» и деньги на выкуп пленных, которые везли посланники, часто играли весомую роль в дипломатических отношениях России и Крыма. А. И. Папков рассмотрел и состояние сторожевой и станичной службы, одной из целей которых было пресечение черкасских набегов. Он заметил, что как в 1620-е, так и в 1630-е гг. не удавалось полностью контролировать украинскую колонизацию [4, с. 141]. Несмотря на военные и дипломатические усилия правительства Михаила Федоровича по выдворению не присягавших царю черкас за пределы России, ослабленной в Смутное время, русские власти не могли полностью остановить процесс украинской колонизации «польских» уездов Московского государства. Тем не менее, как представляется А.И. Папкову, реформированная станичная и сторожевая служба в целомправлялась со своими задачами, вследствие чего положение России на юге было довольно прочным [4, с. 147]. На наш взгляд, более аргументированной является позиция А.А. Новосельского и В.П. Загоровского, указывавших на существенные недостатки сторожевой и станичной службы. За работой А.И. Папкова следует признать существенную роль в процессе изучения русско-крымских отношений конца 10-х – начала 30-х гг. XVII в.

Таким образом, в отечественной историографии 1940-х – 1960-х гг. и постсоветского времени вскрыты различные факторы, обуславливавшие мирный характер отношений между Россией и Крымом в 1618–1632 гг. При этом А.А. Новосельский, В.П. Загоровский и А.И. Папков разошлись во мнениях по поводу эффективности «московской оборонительной системы» в тот период. Их труды, а также исследования В. Н. Глазьева и О.В. Скobelкина имеют большое значение для освещения русско-крымских отношений конца 1610 – начала 1630-х гг. XVII в. Данная тема, думается, требует дальнейшего изучения, тем более что от того, как складывались отношения между Московским государством и Крымским ханством, во много зависели их судьбы в целом.

1. Глазьев В.Н. Противоборство в степном пограничье в 20 – 40-е годы XVII века: русские и татары // Исторические записки: научные труды ист. факультета ВГУ. Вып. 10. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2004. С. 5 – 16.
2. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969. 304 с.
3. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.
4. Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: КОНСТАНТА, 2004. 352 с.
5. Скobelkin O.B. Воронеж и выходцы из татарского плена (конец 20-х гг. XVII в.) // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья: Сборник статей памяти профессора В.П. Загоровского (1925 – 1994). Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. С. 98 – 104.